

Вы будет смеяться, но я родился Одессе. Я молчу за все остальное, но меня часто спрашивают: «Ты еврей?» «Нет, — отвечаю я с грустью, — к сожалению нет. Я странная смесь поляка, немца, украинца и русского. Но я родился в Одессе, вам это не подойдет?»

Я родился на 16-й станции фонтана, где море до сих пор относительно чистое. (Только не спрашивайте относительно чего, — я боюсь вам не понравится то, что вы услышите в ответ) И там я узнал, что такое настоящий одессит. «Как Жванецкий?» — скажете вы и таки будете неправы. Мишанька, конечно, родился в Одессе, но он свалил оттуда, потому что его плохо кормили. Где вы видели сытого одессита? Мне даже как-то смешно на вас.

Нет, мы с дядей Мишей рванули туда, где об нас заботятся, где больше красной рыбы и меньше улыбок. И если мне говорят, что я одессит, я честно отвечаю: «Вы не так меня поняли. Я просто там родился. Но это ведь тоже чего-нибудь стоит...»

Как и всякого ненормального, меня всегда с неудержимой силой тянуло в те места, откуда я родом. И однажды я таки поехал, бросив жену (я тогда еще был женат), дела, важные встречи и все, что заставляло откладывать мою поездку еще на месяц. Я сел в первый попавшийся поезд, плюнул на скользкий от дождя московский перрон и поехал.

— Домой? — спросила меня проводница.

— Домой, — легко согласился я.

И вспомнил анекдот:

«На одесском вокзале толстая тетка с чемоданами высовывается в дверь прибывшего поезда и кричит:

«Носильник!!! Потаскун!!! Иди сюда, будешь иметь меня первой!»»

«Правда, это вам анекдот, а в Одессе это жизнь.»

Чуть ли не впервые в жизни я ехал в СВ. Вы не ездили в СВ? Тогда вы меня не понимаете. Немедленно прекратите читать. А, впрочем, читайте раз начали.

Моей соседкой оказалась хриплая девушка, которая ругала Москву с ее билетными кассами в которых билеты только в общий и СВ, московские цены, приставучих бл#\$%нов-кавказцев и меня. Девушку, как я потом узнал, звали Машей и ездила она в столицу сбывать орехи собранные у бабки в деревне под Раздельной. Теперь же Маша, уставшая ждать у касс хотя бы плацкарта, ехала в Одессу, потратив на билет половину собственных денег заработанных ценою недельного каторжного труда.

— А ты приставать не будешь? — вдруг спросила она, слегка успокоившись.

— Я не приставучий!

— Смотри мне, без глупостей.

Это «глупостей» сделало со мной что-то такое, что мне захотелось плакать и смеяться, я вдруг понял, что мне безумно нравится еще минуту назад абсолютно неинтересная Маша, что я, пожалуй, к ней таки пристану и что я действительно еду домой.

— Маша, а как ты посмотришь если я предложу тебе сходить в ресторан? — ляпнул я через некоторое время.

— А как ты посмотришь, если я скажу, что у меня нету денег?

— Очень положительно, я угощаю.

— Идиёт! — констатировала Маша. — А в общем-то пойдём. Выйди в коридор я переоденусь.

Не в джинсах же мне идти...

— Да ладно тебе. Это ж не «Националь», — улыбнулся я.

— Выйди, а то пойдешь один.

И я вышел, я стоял и смотрел в окно, пока меня не тронули за плечо. Я обернулся и застыл на месте. Передо мной стояла эффектная блондинка в облегающем черном платье, успевшая где-то сделать прическу. Да с такой можно что в «Националь», что в «Максим»:

— Так мы идем куда-нибудь или это была неумная шутка? — спрашивает Маша.

— Угадай с трех раз.

И мы идем.

Ну что сказать — я весь вечер лез из кожи вон, чтобы поддерживать имидж светского парня. Но она, она так изменилась за те пару минут, в которые переодевалась. Ее хриплый голос приобрел безумное очарование, черты — недоступность, жесты — величественность.

Ночь. Мы в темном купе. Я держу Машу за руку и читаю ей стихи свои и чужие вперемежку. Мне безумно хочется поцеловать ее тонкие пальцы, но я не смею. Я вообще несмелый от природы. А тут рядом что-то неземное...

— Ты и вправду не приставучий, — говорит Маша.

— К сожалению, — вздыхаю я.

— А я вот, кажется, приставучая, — сообщает она.

Меня бьет мелкая дрожь. Я не понимаю, что со мной происходит.

— Ты дрожишь, — говорит она и я вижу в бликах света, падающего из окна ее улыбку.

— Глупо, правда?

— Хочешь я тебя обниму и ты согреешься, — говорит она так естественно, что в этих словах не слышится ни капли фальши и пошлости.

— Очень, — произношу я одними губами. Так что меня совсем не слышно, но она слышит, или не слышит, но все равно обнимает меня и все погружается в розовый туман, в нереальное пространство без времени. Где есть только она, только ее губы, руки, кожа... Я перестаю существовать, я умираю сладкой смертью всякий раз, когда касаюсь ее.

Приходит утро. И опять передо мной Маша в своих слегка мешковатых джинсах.

— Приехали уже, минут пять осталось... Прощаться пора...

— Подожди... Какое прощаться... Как прощаться?...

— Да, — говорит она, словно не слыша, — ты на перрон не выходи сразу, пожалуйста. Меня муж будет встречать.

И поезд остановился. Я сидел и смотрел на закрытую дверь. Я пытался убедить себя, что все произошедшее только сон. Я очень старался убедить себя в этом.

Но так и не смог.